

Научная рецензия на книгу Л.Е. Бушканец и Н.Ф. Ивановой «Чехов и... ..и Чехов»

В рецензируемой книге известных филологов-чеховедов, доктора филологических наук Л.Е. Бушканец и кандидата филологических наук Н.Ф. Ивановой, «Чехов и... ..и Чехов» (СПб.: Росток, 2025. 344 с.) представлены девятнадцать статей, написанных авторами совместно и по отдельности. Книга во многом продолжает изучение литературных связей Чехова с председателем Чеховской комиссии Научного совета РАН по истории мировой культуры В.Б. Катаевым, дополняя и углубляя начатое им. Заслуживает внимания задача авторов показать своеобразный литературный диалог Чехова со своими предшественниками в первой части книги, а во второй — диалог с читателями нашего времени.

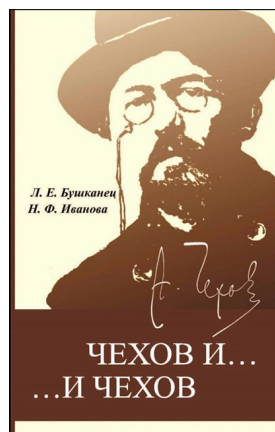
Ключевые слова: монография, А.П. Чехов, поэтика, литературные предшественники, последователи

The peer-reviewed book by renowned Czech philologists, Doctor of Philology L.E. Bushkanets and Candidate of Philology N.F. Ivanova, contains nineteen articles written jointly and separately. Entitled “Chekhov and... ..and Chekhov”, the book largely continues the study of Chekhov’s literary connections by V.B. Kataev, Chairman of the Chekhov Commission of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on the History of World Culture, complementing and deepening what he started. It is worth noting the authors’ effort to highlight Chekhov’s unique literary dialogue with his predecessors in the first part of the book, and—in the second part—his dialogue with readers of our time.

Keywords: monograph, A.P. Chekhov, poetics, literary predecessors, followers

Год 2025-й был юбилейным для А.П. Чехова (165 лет со дня рождения, 135 лет поездке на Сахалин и 130 лет со дня выхода в свет книги «Остров Сахалин») и весьма плодотворным для исследователей его творчества. Задача рецензируемой книги определена авторами следующим образом: «Нас интересовало не просто то, что Чехов “вычитал” у своих предшественников или чем интересовали его современники» (С. 5)¹ — этот принцип исследователи называют «ботаническим». Важен ««механизм» работы Чехова с чужим текстом» (Там же), а также его, чеховский текст, как «определенная зона влияния»² на последующие поколения писателей. Поставленная задача сформировала и структуру книги: она состоит из двух частей, не совсем равнозначных, где первая («Чехов и...») — включает в себя четырнадцать статей, а вторая («...и Чехов») — пять.

Композиционно первая часть выстроена не столько в хронологическом порядке — от Державина и Карамзина через Гончарова и Тургенева до Толстого и Горького, — сколько как смена литературных авторитетов для Чехова: «обращение Чехова к Державину дает материал для понимания того, как в культурном языке происходит закрепление следов тех или иных культурных явлений, как меняются литературные репутации и ориентиры» (С. 17). Державин для Чехова был скорее кладью высокопарных цитат ушедшей эпохи, и автор статьи «Державин и Чехов» Н.Ф. Иванова, тщательно проанализировав программы по словесности, учебники и хрестоматии чеховского времени (Державин был

Иванова, Н.Ф.,
Бушканец, Л.Е.
«Чехов и... ..и Чехов». —
Санкт-Петербург : Росток,
2025. — 344 с.

Ivanova, N.F.,
Bushkanets, L.E.
«Chekhov and... ..and
Chekhov». St. Petersburg:
Rostok, 2025. 344 p.
ISBN: 978-5-94668-437-8

¹ Здесь и далее в тексте статьи в круглых скобках указываются страницы рецензируемого издания.

² Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М., 1981.
Iakobson, R.O. Raboty po poetike. Moscow, 1981.

достаточно полно представлен в них как поэт), доказывает это примерами из чеховских писем («...наш дядя сильно поддается *глаголу времени*» (С. 14) (здесь и далее курсив мой. — О. С.), а также из ранних юмористических рассказов («Жены артистов» (пер. с португ.) и пьесы «Безотцовщина» (Анна Петровна — Платонову: «Теперь уж я тебя не оставлю! <...> не выпущу! <...> *Звон победы раздавайся...*») (С. 16).

В статье «Чехов и Карамзин» делается упор на сравнение двух путешествий: на датский остров Борнгольм Карамзина и остров Сахалин — Чехова. Между этими поездками ровно сто лет, но, как справедливо считает Н.Ф. Иванова, «в обоих текстах есть много общих тем, мотивов, впечатлений, эмоций» (С. 19): общая стилистика описания восторга и благоговейного ужаса перед мощью природы, препятствия, возникшие на пути, проводники, посещение тюрьмы и нежелание заключенных говорить о своем преступлении, тяжелое чувство, с которым путешественники покидают свои острова. Данная статья может во многом поменять представления читателей о роли карамзинской повести «Остров Борнгольм» при написании «Острова Сахалин» Чеховым. «Совпадают модель путешествия и модель поведения путешественника, однако каждый из повествователей — человек своего времени» (С. 24) — делает вывод исследователь.

Вызывает интерес статья Л.Е. Бушканец «Чехов и Ключевский. Природные предпосылки русской ментальности», основанная на тщательном анализе повести Чехова «Степь» и рассказа «В родном углу» сквозь призму лекций историка Ключевского, которого молодой студент медицинского факультета Московского университета имел счастье слушать. «Повесть Чехова написана не просто в контексте размышлений Ключевского, она написана в первую очередь под сильным влиянием историка. В «Степи» много совпадений с тем, о чем писал В.О. Ключевский» (С. 27), — считает автор статьи. Это, конечно, прежде всего «ощущение восторга перед ее красотой, ширью и свободой» (Там же). Корректно используя и цитируя статьи других ученых и сопоставляя разные точки зрения на проблему влияния Ключевского на Чехова, исследователь предлагает свое прочтение «Степи», сосредоточивая внимание на том, что историк определяет в характере русского человека как негативное: «бесформенность мысли, полусонную созерцательность, фантастические, сказочные образы, которые имеют то удобство, что как-то сами собой, без всяких хлопот со стороны думающего зарождаются в мозгу и сами <...> исчезают бесследно»³. Чехов, точно следуя идее Ключевского о психологии русского человека, показал, что мыслящий человек с началом индивидуальности «не способен быть счастливым в степи» (С. 30), отсюда — утомленность, равнодушие и даже злоба и отвращение. «Поэтому из замкнутости степи есть только один выход — это движение по ней. По степи можно ехать, переживая ее красоту, но жить в ней — это растворяться в смерти, в вечности, в небытии» (С. 31). Эти мысли Ключевского, считает Л.Е. Бушканец, представляются весьма созвучными раздумьям Чехова о психологии русского человека.

Проблема «Чехов и Гончаров», пожалуй, наименее всего исследована в чеховедении: до сих пор неясно, был ли знаком Чехов с Гончаровым, читал ли Чехова Гончаров, который умер в 1891 г., знал ли о поездке Чехова на Сахалин? Главное для исследователей, которые озаглавили свою совместную статью «Зачем Чехов переписал “Обыкновенную историю” И.А. Гончарова?», то, что Чехов не просто читал Гончарова, но читал с пристрастием, меняя свое отношение к творчеству писателя, то резко критикуя последнего за роман «Обломов» («вычеркиваю Гончарова из списка моих полубогов») (П. Т. 3. С. 201–202), то заявляя: Гончаров «выше меня талантом на 10 голов» (Там же. С. 203). Чехов не мог не чувствовать близость к нему — в объективной манере пове-

³ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1 // Ключевский В.О. Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. М.: Мысль, 1987. Т. 8. С. 66. *Kliuchevskii, V.O. Kurs russkoi istorii. Ch. 1 // Kliuchevskii, V.O. Sobr. soch.: v 9 t. T. 7. Moscow: Mysl', 1987. T. 8. S. 66.*

⁴ Все тексты даются по: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения в 18 т. Письма в 12 т. М.: Наука, 1974–1983. (В скобках указывается С. — Сочинения, П. — Письма).

Chekhov, A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 30 t. Sochineniia v 18 t. Pis'ma v 12 t. Moscow: Nauka, 1974–1983. (V skobkakh ukazyvaetsia S. — Sochineniia, P. — Pis'ma).

ствования, сюжете, мотивах, в интересе к деталям и бытовым мелочам. Так возникает желание «переписать» Гончарова, его «Обыкновенную историю». Авторы статьи вполне убедительно доказывают интертекстуальными переключками, что таким «переписанным» рассказом можно считать чеховского «Ионыча», где писатель представил читателю тот же вариант *обыкновенной истории* превращения главного героя из романтика, мечтающего о любви и служении людям, в обывателя. Чехов будто бы «вычленяет из романа те элементарные составляющие, те сюжетные мотивы, которые носят универсальный характер, и концентрирует их» (С. 52). Это означает, считают исследователи, что Чехов не только был внимательным читателем Гончарова, но и понимал, что такое литературная традиция.

В статье «Чехов и Тургенев», начатый разговор об устойчивой литературной традиции, которую Чехов продолжает, получает новое развитие. В ней две части: первая — «Тургеневская сюжетно-фабульная ситуация «разночинец в гостях у дворян» в прозе Чехова» — написана Н.Ф. Ивановой, вторая — «Чехов и Базаров» — Л.Е. Бушканец. «Вхождение разночинца в чуждый социальный и культурный мир, что влечет за собой ряд явных и скрытых конфликтов» (С. 54) — интересует обоих исследователей с разных сторон. Ситуация «разночинец у дворян» хорошо знакома писателю, и Н.Ф. Иванова, делая акцент на биографии Чехова-разночинца («Если увидишь лейб-медика Боткина, то скажи ему, что я иду по его стезе: лечу в аристократических домах» (П. Т. 2. С. 141), достаточно подробно исследует своеобразные «рассказы-дуплеты»⁵. Это «Цветы запоздалые», «Чужая беда», «У знакомых», «Жена», «В усадьбе», «Верочка», «Ионыч», «Учитель словесности», «Супруга» — все эти рассказы автор статьи анализирует под углом одного и того же типа «разночинского самосознания во внешнем и внутреннем его проявлении» (С. 64), понимая, что Тургенев и Чехов освещают данный конфликт по-разному — «извне» и «изнутри».

Л.Е. Бушканец продолжает тему в статье «Чехов и Базаров». В толковании поставленной проблемы и противоречащим друг другу интерпретациям образа Базарова исследователь ссылается на работы других ученых⁶. Сам же автор статьи, делая акцент на главном герое «Отцов и детей» как на «сверхтипе эпохи» (С. 65) не революционере-нигилисте, а разночинце-демократе, естественнике и позитивисте, верящим в «положительную науку», опирается на мемуары современников Чехова (цитаты из них чрезвычайно подробно представлены в исследовании). Но главным аргументом концепции ученого становится работа хорошо знавшего творчество Чехова Д.Н. Овсянко-Куликовского «История русской интеллигенции». Именно вслед за ним Л.Е. Бушканец четко разграничивает явления «Базаров» и «базаровщина», разницу между которыми сглаживает во многом школьное изучение романа. Автор статьи сравнивает Чехова с Базаровым: здесь и отрицание авторитетов как стремление к внутренней свободе, и упорный труд, и отношение к женщине. Но, главное, считает Л.Е. Бушканец, «Чехов воплощал своей жизнью базаровские идеалы — идеал культуры, науки, здоровья, трезвого и научно воспитанного ума, таланта и вдохновения — как блага самих по себе, ожидания прогресса не как веры, а как научно обоснованного прогноза» (С. 69). Убедительно выглядит и ответ исследователя на поставленный ею же вопрос: «Каков он, «базаровский тип», в ситуации любви в произведениях Чехова?» (С. 74): ему нужны не тургеневские девушки, а «баба с мозгом», по выражению Базарова. Анализируя раздумья героя рассказа «У знакомых» Подгорина, мысли Астрова из «Дяди Вани» и сравнивая их с высказываниями самого Чехова, Лия Ефимовна убедительно говорит об «истории эмоций <...> «чеховских базаровых»» (С. 76), не замеченных другими исследователями, подчеркивающими

⁵ Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 48.

⁶ Sukhikh, I.N. Problemy poetiki A.P. Chekhova. Leningrad: Izd-vo LGU, 1987. S. 48.

⁶ Лотман Л.М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л.: Наука, 1974; Сухих И.Н. Тургенев, Базаров и критики // Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети в русской критике. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 5–25.

Lotman, L.M. Realizm russkoi literatury 60-kh godov XIX veka. Leningrad: Nauka, 1974; Sukhikh, I.N. Turgenev, Bazarov i kritiki // Roman I.S. Turgeneva «Ottsy i deti v russkoi kritike. Leningrad: Izd-vo LGU, 1986. S. 5–25.

только цинизм отношения к женщине: «речь должна идти о сложном психологическом комплексе людей этого типа: чем выше уровень аналитичности, тем объективно больше “цинизма” и “равнодушия”, быстрее наступает усталость от жизни, это своеобразное “горе от ума”» (С. 77).

Следующие две статьи — «Чехов и Слепцов» (Л.Е. Бушканец) и «Чехов и Островский» (Н.Ф. Иванова) — интересны исследованием малоизвестных фактов из жизни и творчества А.П. Чехова. Например, использование популярной песни «Среди долины ровныя...» Островским в драме «Гроза» и Чеховым в рассказе «Тайный советник». Из общности биографии Слепцова (медицинский факультет Московского университета, продажа своих сочинений издателю, скоротечная чахотка и ранняя смерть) и личностных особенностей (естественнонаучный взгляд на жизнь, «постановка диагноза» персонажам, здоровый скептицизм, общая холодность и отстраненность в общении, остроумие) Л.Е. Бушканец выводит и общность в поэтике двух писателей. Это прежде всего жанр рассказа с включением речи героев в повествование, «случайная» деталь, сценки с великолепной прямой речью, юмор — все эти слепцовские находки, как считает автор статьи, вполне можно принять за чеховские. У статьи есть подзаголовок «Литературоведческое расследование», и оно вполне состоялось. Таким образом, исследователем намечена проблема писателей «второго ряда» и их возможное влияние на высокую литературу. Тема эта продолжена в статьях «Чехов и Болеслав Маркевич» (Л.Е. Бушканец), где основной упор сделан на проблеме прототипов, и «Чехов и Элиза Ожешко» (Н.Ф. Иванова), роман которой «Над Неманом» дал творческий импульс для написания повести «Моя жизнь» Чеховым. В обеих статьях приведены аргументы в пользу предлагаемой исследователями концепции (С. 124, 132).

Тема, не слишком разработанная в обширном чеховедении, — отношение Чехова к поэтам и поэзии. Автор статьи «Чехов и Фет и Тютчев» (Л.Е. Бушканец) утверждает, что в разные периоды творчества Чехов по-разному относился ко многим своим предшественникам (С. 154), вопреки сложившейся традиции утверждать, что он чуть ли не высмеивал романтические образы в поэзии («день-ночь», «утро-вечер» как образцы философской лирики) и «подвергал романтическую традицию скептическому развенчанию» (С. 154). Символы высокой поэзии — «звезды, луна, огни, запахи» (С. 155) — упомянуты писателем многократно и в повести «Черный монах», и в «Палате № 6», и «Три года», и детали эти не являются специфически чеховскими, а во многом в точности повторяют Тютчева и Фета и, возможно, именно поэтому вызывают у читателя «встречный эмоциональный поток» (С. 157). Данная статья представляется чрезвычайно ценной для дальнейших поисков интертекстуальных связей в поэтических текстах и прозе Чехова (например, *ветер и метель*).

В статье «Короленко и Чехов» Л.Е. Бушканец говорит об отношениях двух писателей, сближении и отдалении, об их переписке и редких встречах, о разнице «в уровне и характере талантов» (С. 177) и различии их натур, об отношении к Толстому и дальнейшем расхождении двух писателей и, наконец, о выходе Чехова вслед за Короленко из Академии наук. Этот известный факт автор статьи подробно комментирует, опираясь на мемуары современников, делая упор на том, что «в прессе инцидент не получил полного отражения» (С. 190). Речь идет о письме Чехова в Академию наук, по словам Куприна, «очень сдержанном и очень сильном» (Там же). И даже в 1917 г., когда Короленко предложили вернуться в состав Академии, писатель отказался следующими словами: «Вышли мы по обоюдному соглашению с А.П. Чеховым. Войти вместе не можем...» (Там же). Статья будет полезна широкому кругу читателей, студенту-филологу и школьнику, т.к. по-новому позволяет оценить как гражданскую позицию автора «Слепого музыканта», так и Чехова.

Столь же подробно освещаются в монографии отношения Чехова и Толстого в статьях «Чудесный инструмент» (Л.Е. Бушканец) и «Из писателей предпочитаю Толстого...» с подзаголовком «Как Чехов читал “Войну и мир”» (Н.Ф. Иванова). Новизна статьи Л.Е. Бушканец — в определенном ра-

курсе взглядов и оценок писателей друг друга: Чехов восхищается масштабом личности Толстого, «стихийной, природной силой толстовского таланта» (С. 196) и резко отрицательно относится к его публицистическим трактатам, в том числе и касающимся взглядов на искусство. Толстой же, в свою очередь, отношение к Чехову формирует не столько через личные встречи с ним («Не могла бы написать о нем — всё молчал», — говорила Софья Андреевна), сколько «сквозь призму публикаций других лиц» (С. 203), в основном толстовцев, особенно после смерти писателя; высоко оценивает его прозу и не принимает драматургию. Все эти, казалось бы, известные факты, исследователь дополняет высказываниями современников, которые записывали за Толстым. Интересный и во многом новый факт — игнорирование Толстым «круглых чеховских дат»: пять лет со дня смерти (1909) и 50 лет со дня рождения (1910). Заявленный в предисловии к монографии принцип «механизма работы Чехова с чужим текстом» (С. 5) хорошо виден в статье Н.Ф. Ивановой, где она сравнивает эпизод из второго тома «Войны и мира» (сцена приезда Николеньки домой) с рассказом Чехова «Мальчики»: «речь „..." о явном художественном родстве, наполненности сходными мотивами, рядом совпадений, не только сопрягающимися элементами художественных текстов, но и творческими трансформациями толстовского эпизода» (С. 231), которые выражаются в трагическом переосмыслении толстовского эпизода.

Заканчивает раздел «Чехов и...» статья Н.Ф. Ивановой «Горьковский след в прозе Чехова», где речь идет о знакомстве двух писателей, их переписке и «размышлениях друг о друге» (С. 243), о чеховском отношении к драматургии Горького и о чеховских босяках из повести «Моя жизнь». Вновь «механизм работы Чехова с чужим текстом» находит свое подтверждение.

Часть вторая книги «Чехов и...и Чехов» представлена пятью статьями. В известном высказывании Анны Ахматовой о нелюбви к Чехову, о котором пишут многие современники поэта, авторы статьи «Ахматова и Чехов: Еще раз о нелюбви Ахматовой к Чехову», собирая все мемуары вместе и выстраивая их по степени нарастания ахматовской недоброжелательности к Чехову, совершенно справедливо делают вывод о том, «каждое высказывание должно быть включено в контекст» (С. 278), причем в контекст не только взаимоотношений Ахматовой со своими собеседниками, но и в контекст чеховских высказываний. И мемуары в данном случае — не самое объективное свидетельство «живых и сложных, а не канонических размышлений» (Там же).

Эту же тему спорных и неоднозначных суждений об отношении к Чехову другого метра литературы — Солженицына — поднимает и автор статьи «Исжаданное ли окунанье?» Спор задали два известных литературоведа своими публикациями после выступления Солженицына на открытии памятника Чехову в Камергерском переулке в 1999 г.⁷ Н.Ф. Иванова, хоть и определяет свою статью достаточно скромно как «заметки на полях от чтения и перечитывания» (С. 279) статей В.Б. Катаева и А. Туркова, тем не менее тщательно анализирует все спорные высказывания Солженицына в его критических статьях, приводя явные неточности в его словах по поводу ранних и зрелых произведений Чехова. Вывод исследователя: Солженицын шел от резкого неприятия некоторых чеховских образов (гробовщика Якова в рассказе «Скрипка Ротшильда») до восхищения чеховской поэтикой, и «часто внутри одного произведения» (С. 284). «Подобное погружение, «окунание» в Чехова свидетельствует о попытке заглянуть в творческую лабораторию Чехова, определить, в чем необычность, уникальность, талант писателя, что вызывает такой долгий неподдельный интерес читателя к его произведениям» (С. 291).

Большой интерес вызывает совместная статья «Современная проза и Чехов: Переписывание Чехова». Заслуга исследователей не только в перечислении произведений современных авторов,

⁷ Катаев В.Б. Солженицын о Чехове: полемика по умолчанию // Альманах «Мелихово». ГЛММЗ А.П. Чехова «Мелихово», 1999. С. 3–9; Турков А. Александр Солженицын: Окунаясь в Чехова // Чеховский вестник. 1999. № 4. С. 6–9.

Kataev, V.B. Solzhenitsyn o Chekhove: polemika po umolchaniyu // Al'manakh «Melikhovo». GLMMZ A.P. Chekhova «Melikhovo», 1999. S. 3–9; Turkov, A. Aleksandr Solzhenitsyn: Okunaias' v Chekhova // Chekhovskii vest-nik. 1999. No. 4. S. 6–9.

«перелицовывающих» Чехова на современный лад (С. 292), буквально захлестнувших за последние 25 лет страницы книг, газет, журналов и ставших модными в театрах, но и в скрупулезном подборе практически всей научной литературы, начиная от статей, монографий до диссертаций, что само по себе ценно для изучающих творчество Чехова. «Объясняется подобная ситуация исследователями и самими авторами несколькими причинами» (С. 294), среди которых и постмодернистское мироощущение, и отсутствие собственного воображения, и соперничество с предшественниками, желание «переиграть» их, и раздражение от хрестоматийного, школьного прочтения классика, и еще многое другое. Предметом исследования Л.Е. Бушканец и Н.Ф. Иванова выбрали ремейки Д. Драгунского «Соседи. Конспект о Чехове», показав, что Драгунский — «мастер парадоксальных и неожиданных концовок», что, возможно, привлекает современного неискушенного читателя. И все же «опыт современной литературы говорит об отчаянии современного человека и пока неудавшейся попытке найти что-то, на что можно было бы опереться в отличие от Чехова» (С. 305). Мысль эту Н.Ф. Иванова развивает в статье «Массовая литература и Чехов» (С. 325–331).

Абсолютно новаторской, на наш взгляд, выглядит статья «Социальные сети и Чехов», написанная также обоими авторами. Исследователи ставят, казалось бы, далекий от науки парадоксальный вопрос «об истоках “поэтики” постов в социальных сетях в классической русской литературе, и в частности в творчестве А.П. Чехова» (С. 306). Речь идет о постах «олитературенных», в которых, как и «в толстом литературном журнале, есть все “жанры”» (С. 307). Обосновывая свой интерес к подобным публикациям, авторы статьи утверждают, что в «олитературенных» постах происходит своеобразная «эстетизация повседневности» (С. 310) и что это явление известно в истории литературы: именно «малая пресса» — юмористические журналы, расцвет которых пришелся на 70–80-е годы XIX в., — обратила внимание на бытовую жизнь массового человека, что, собственно, и делает сейчас литература социальных сетей. Опираясь на истоки поэтики Чехова времен «Стрекозы» и «Осколков», Л.Е. Бушканец и Н.Ф. Иванова на многочисленных примерах литературных постов делают вывод о том, что «литература социальных сетей на массовом уровне и в сходных условиях потребности в многописании “повторила” чеховское открытие — изменение в понимании События, лежащего в основе художественного нарратива» (С. 320).

Подводя итоги, можем сказать, что рецензируемое издание «Чехов и...и Чехов» полностью соответствует цели, поставленной авторами и, несомненно, найдет своего читателя. Сборник статей снабжен именным указателем, списком литературы после каждой статьи и справкой о публикациях, что само по себе является ценным вкладом в науку, поскольку значительно облегчает читателю и исследователю поиск. Источники, цитируемые в настоящей книге, являются подлинными и отражают современную точку зрения на исследуемые учеными проблемы.

Скибина Ольга Михайловна,

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики преподавания литературы
Оренбургский государственный педагогический университет

Skibina Olga M.,

Doctor of Philology, Professor of the Literature and
Methods of Teaching Literature Department
Orenburg State Pedagogical University

e-mail: sskibin90@mail.ru

Статья поступила: 05.03.2026

Принята к печати: 24.03.2026